

ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТОВ И ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Работа представлена кафедрой политологии.

Научный руководитель – доктор политических наук, профессор В. П. Милецкий

Статья посвящена влиянию французской постструктуралистской философии на трансформацию политических субъектов и динамики конфликтов в современном мире. В качестве главной теоретической основы происходящих изменений автор предлагает рассмотреть идеи Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Помимо этого рассмотрена теория и практическое применение концепции «сетевых войн», предложенная Д. Аркиллой и Д. Ронфельдом. С помощью вышеназванных концепций автор анализирует механизм и причины «цветных» революций на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: *идеи Ж. Делёза и Ф. Гваттари, концепция «сетевых войн», «цветные» революции.*

L. Tomin

POST-STRUCTURALISM AND TRANSFORMATION OF SUBJECTS AND DYNAMICS OF MODERN POLITICAL CONFLICTS

The article is devoted to the influence of French post-structuralism on the transformation of political subjects and the dynamics of conflicts in the modern world. The author suggests considering the ideas of G. Deleuze and F. Guattari as a main theoretical basis for the changes. In addition the author analyses the theory and practical application of the “netwars” conception proposed by J. Arquilla and D. Ronfield. Through the afore-mentioned conceptions the author analyses the mechanism and reasons for the “coloured” revolutions in the post-Soviet space.

Key words: *ideas of G. Deleuze and F. Guattari, “netwars” conception, “coloured” revolutions.*

В последние несколько лет на пространстве СНГ произошел ряд событий, которые привлекли внимание экспертного сообщества. В результате «цветных» революций сменилась власть в Грузии, Украине и Киргизии, по похожим сценариям развивались события в Белоруссии и Армении, которые закончились в итоге неудачей. Для понимания этих процессов нужно обратить внимание на тематику «сетевых войн», разрабатываемую RAND Corporation. Первоначально феномен сетевого конфликта был исследован и внедрен в военной сфере. «Сетевая война» – новая концепция ведения войн, разработанная начальником Управления реформирования ВС США под управлением вице-адмирала Артура Цебровски. Она активно внедряется сегодня в практику ведения боевых действий США в Ираке и Афганистане, тестируется на учениях и симуляторах. Разработчики этой теории убеждены, что в ближайшем будущем эта теория, «если не заменит собой традиционную теорию войны, то существенно и необратимо качественно изменит ее» [3, с. 1].

Многие исследователи, анализирующие глобальные политические изменения, например А. Негри и М. Хардт, рассматривают новый период как формирование глобальной империи. Она, по их мнению, носит не империалистический характер, который характеризуется управлением подчиненных территорий военно-административным способом, а имперский. Имперское управление осуществляется мягкими неформальными способами доминирования в экономических и биополитических, эту империю они определяют как сетевую.

Д. Аркилла и Д. Ронфельд в докладе «Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy» описали механизмы проведения «сетевых операций». Они обнаружили, что в последнее время в мире получил широкое распространение новый тип социальных структур, построенных не по иерархическому, а по сетевому принципу. Возникновение «сетевых субъектов» стало возможным благодаря развитию информационных технологий. Новые технологии коммуникации позволяют им интегрировать террито-

риально разрозненные группы в единую сеть, способную в кратчайшие сроки принимать решения и скоординировано действовать.

Здесь необходимо сделать отступление для того, чтобы описать те новые концепции, которые позволили по-новому взглянуть на различные виды конфликтов. В связи с этим стоит обратиться к идеям философов-постструктуралистов Ж. Делёза и Ф. Гваттари. В книге «Ризома» они предложили ныне широко известный одноименный термин. Они противопоставляют традиционному упорядоченному, иерархическому типу структуры, метафорически изображаемому в лингвистике Р. Якобсона как дерево – ризому (корневище). Делёз представляет ее себе как «подземный стебель, абсолютно отличающийся от корней и корешков. Луковицы, клубни – это ризомы. Растения с корнем или корешками могут быть ризоморфными во всех отношениях – это вопрос знания того, не является ли ботаника в ее специфике всецело ризоморфной. Таковы даже животные, сбитые в стаи: крысы образуют ризомы. Таковы и норы со всей их функцией жилища, пропитания, перемещения, уклонения и разрыва. Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизаций в луковицы и клубни» [2, с. 99].

И. Ильин пишет, что Делёз с помощью «подземного стебля, попытался дать представление о взаимоотношении различий как о запутанной корневой системе, в которой неразличимы отростки и побеги, и волоски которой, регулярно отмирая и заново отращая, находятся в состоянии постоянного обмена с окружающей средой, что якобы “парадигматически” соответствует современному положению действительности. Ризома вторгается в чужие эволюционные цепочки и образует поперечные связи между дивергентными линиями развития. Она порождает несистемные и неожиданные различия, она разделяет и прерывает эти цепочки, бросает их и связывает, одновременно все дифференцирует и систематизирует» [4, с. 100]. Позднее Делёз и Гваттари в предисловии к книге

«Тысячи плато» описывают традиционную, иерархически организованную и претендующую на репрезентацию действительности структуру текста: «Первый тип книги – это книга-корень. Дерево – это уже образ мира, или точнее, корень – образ дерева-мира. Это классическая книга, подобная прекрасной органической внутренности, означающая и субъектная (страты книги). Книга имитирует мир так же как искусство природу – с помощью процессов, которые ей свойственны, и которые успешно завершают то, что природа не может или уже больше не может делать» [2, с. 7].

Но, по его мнению, наступили новые времена, и теперь появляется иной тип хаотической организации – ризома, и это «второй образ книги, который с удовольствием рекламируется нашей современностью. На этот раз основной корень не дозрел или разрушается почти до основания, от него отпочковывается множество второстепенных корней, которые разрастаются в полную силу. На этот раз природная действительность проявляется в отторжении основного корня, но от этого его единство не становится меньше, в качестве прошлого, будущего или возможного единства» [2, с. 5]. Из всего этого Делёз и Гваттари делают и более глобальный мировоззренческий вывод о трансформации реальности: «Мир потерял свой стержень, субъект больше не составляет дихотомию, он получает доступ к единству более высокого уровня, амбивалентности и сверхдетерминации, в измерении, всегда дополнительном к измерению объекта. Мир превратился в хаос, но книга остаётся образом мира, хаосмос-ризома на месте космоса-корня» [2, с. 9].

Метафора ризомы была с энтузиазмом подхвачена и развита многими философами постструктуралистского направления. Но главное, что благодаря Делёзу и Гваттари у многих изменилось понимание мира, его организации и функционирования. В философии Делёза есть еще одно очень важное для нас понятие – сингулярность. Существует множество определений для этого явления, обобщив их, можно сказать, что сингуляр-

ность – это доиндивидуальная, произвольная, нелокализуемая, номадическая (кочевая) по происхождению единичность, не укладываемая в структуру бинарной оппозиции. Эти анархически организованные новые субъекты по Делёзу и Гваттари противостоят иерархически сконструированным агрегатам, пытающимся стабилизировать и упорядочить все пространство вокруг себя.

Вот как они пишут об этом: «Сингулярности, образуя не подчиняющиеся жестким структурам “роевые” сообщества – “множества”, противостоят обширным совокупностям-агрегатам, управляемым по иерархическим, авторитарным законам. Обширные агрегаты, или молярные структуры, подчиняют себе “молекулы” общества, в то время как организация общества на молекулярном уровне включает в себя микро-множественности, или парциальные объекты, которые разрушают, подрывают структуры» [2, с. 11]. Таким образом, все сферы жизни и, в частности, поле политики представляют собой арену, на которой происходит борьба между силами, стремящимися к подрыву существующих структур и самими «агрегатами-охранителями».

О подобных изменениях писал и М. Кастельс: «Исследование зарождающихся социальных структур позволяет сделать следующее заключение: в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение “сетевой” логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [5, с. 2].

Д. Подольны и К. Пайдж используют термин «сетевые формы организации», под которым они понимают любую группу активных субъектов, которая имеет повторяющиеся, длительные обменные связи между собой, и в то же самое время в этой группе отсутствует централизованный властный орган, имеющий полномочия разрешать возникающие по ходу

совместной деятельности спорные вопросы. По мнению Аркиллы и Ронфельда, сетевой принцип организации используют: террористические группировки (Аль-Каида, Хамас), партизаны (Движение сапатистов), антиглобалисты и экологи, неправительственные организации. Наиболее типичную сетевую модель они обозначили аббревиатурой SPIN (Segmentary, Polycentric, Integrated Network), что означает разрозненные, не имеющие единого центра, интегрированные сети.

В современных условиях сетевой принцип организации рассматривается как более эффективный, чем иерархический. Все современные государства и их внутренние управленческие составляющие, такие как армия, министерства и ведомства, политические партии построены именно по иерархическому принципу. Такая централизация лишает иерархические структуры того необходимого уровня скорости при обмене информацией и принятии решений.

«Виды организационных структур различаются между собой методами транспортировки информации или воздействий. Метод доставки информации от старшего элемента структуры к младшему называется иерархическим. Жесткое вертикальное подчинение, неукоснительное соблюдение субординации дают явные преимущества в области дисциплины, порядка, чистоты заложенных идей, если их безусловным носителем является верхушка иерархической пирамиды. Такая форма организации безальтернативна для министерства, военного управления там, где неоднозначность информации/воздействия, искажение информации, а также возможность проникновения инородных элементов недопустимы» [6, с. 45].

Именно на уязвимости каналов коммуникации строится самая распространенная методика борьбы с иерархическими структурами. Она основана на «выбивании» центра, после чего внутренняя коммуникация прерывается, управление парализуется, а сама конструкция постепенно разрушается. Наоборот, у сетевых структур нет единого управляющего центра, поэтому потеря нескольких элементов сети не приводит к управленче-

скому коллапсу. Сетевые сообщества объединены общей сверхидеей, которая не обязательно детально прописана. Например, широкий спектр сил, состоящий из левых, радикальных профсоюзов, экологов совместно противостоят глобализации.

«“Мускулы” сети – это рой сообществ, часто неформальных. Их создают люди, находящиеся во власти сверхидеи. Объединяющим моментом для этих организаций является принцип комплиментарности. Проявляется это в виде реализации совместных проектов – митингов, шествий, вооруженных столкновений, информационного освещения. Но эти слияния недолговечны и относятся к сиюминутному порыву. Участие элемента сетевой структуры в коллективном проекте может быть либо нормальной реакцией в рамках сверхидеи на текущие события, либо исполнением воли единого центра – незримого координатора сети. И в том, и в другом случае налицо объединение множества группировок для проведения собственной политики» [6, с. 34]. В СНГ основным строительным материалом для сети являются элементы гражданского общества. В условиях пространства СНГ благодаря патерналистскому типу политической культуры наибольшее распространение получили неправительственные организации являющиеся либо филиалом западных НПО, либо существующие на зарубежные гранты. Данные организации зачастую вопреки своему уставу занимаются чисто политической деятельностью.

Результаты такой активности мы видели на Украине, в Грузии или Киргизии. Первый этап их деятельности был сконцентрирован в духе теории А. Грамши в «размывании» легитимности власти в обыденном сознании рядовых граждан. Второй этап – это непосредственно период после выборов, когда с помощью сетевых молодежных и других протестных групп происходит «ненасильственный» захват уличного пространства, а затем и передачи власти «лидерам восставших». В теории сетевых войн это носит название «роения», которое определяется как «визуально аморфный, но преднамеренно структурированный, скоординированный стратеги-

ческий способ ударить со всех направлений в определенную точку, посредством жизнестойкой пульсирующей силы. Тактика “роевая” эффективна, если она основана на развертывании бесчисленных, маленьких, рассеянных сетевых единиц маневра, силы которых сходятся к цели с многочисленных направлений. Основная задача сети “роя” должны быть в состоянии быстро и незаметно соединиться вокруг цели, затем разъединиться и повторно рассеяться, сохраняя готовность повторно объединиться для нового удара» [6, с. 30].

В таких условиях госаппарат, в котором исполнительные функции и другие виды деятельности разделены между ведомствами, подвергается атаке сети, которая обычно побеждает благодаря своей гибкости и хорошо налаженной внутренней коммуникации. В ситуации хаотизации политического пространства, уличных волнений, недостаточной легитимности власти исход противостояния может предопределить скорость принятия решений. Неустойчивость режимов, сложившихся на пространстве СНГ, связана с неукорененностью политических институтов, скопированных без учета национальной специфики. «Импортирование западно-европейских институтов на почву, не имеющую демократических традиций,

сделало эти формы хрупкими, декоративными, не наполненными смыслом и подлинным значением» [1, с. 2].

Д. Ронфельд предложил типологию условий и причин нестабильности, которая включает три типа: 1) спорадическая нестабильность, когда беспорядки возникают в ответ на текущие события, но остаются относительно изолированными и не составляют опасности для политической системы; 2) системная нестабильность, когда беспорядки распространяются, расшатывая основы правящих институтов, что может приводить к коллапсу, конституционному кризису, воинскому путчу; 3) эволюционная нестабильность, когда общество не может перейти к новой системе, так как фиксируется на существующем состоянии, застряв на процессе перехода [7, с. 13]. Все «цветные» революции происходили именно в странах, находящихся в процессе становления недавно обретенной государственности.

В последнее время серия «цветных» революций прервалась. В таких условиях перед элитами стран СНГ встает необходимость адаптации политических институтов под свою национально-культурную специфику. Помимо этого необходимо и дальнейшее исследование сетевых конфликтов, которые кардинально меняют старые представления по широкому спектру проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адилова Л. «Цветочно-фруктовые» революции: уроки и технологии противодействия. Международный институт современной политики. Бюллетень. № 4. 2005.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома. Альманах «Восток». Выпуск: № 11/12, ноябрь-декабрь 2005. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm
3. Дугин А. Мир охвачен сетевыми войнами. Независимое военное обозрение. № 45. 2005.
4. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
5. Кастельс М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1990.
6. Arquilla J., Ronfield D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. RAND, 2003.
7. Ronfeldt D. a. o. Rethinking Mexico's stability and transformability. Ronfeldt D. a. o. The Zapatista social netwar in Mexico. Santa Monica, 1998. RAND.